

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

LITERARY TEXT ANALYSIS

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-48-55

Гармония и хаос как конститутивные признаки языковой картины мира повести С. Довлатова «Заповедник» (к 80-летию со дня рождения)

Елена Юрьевна Геймбух

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия, gejmbuh@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2129-9876>

Аннотация. Статья посвящена изучению языковой картины мира повести С. Довлатова «Заповедник». Стремление автобиографического героя найти дорогу из хаоса к гармонии представлено как тексто- и сюжетообразующий признак. Языковые репрезентанты гармонии и хаоса рассматриваются как два полюса бытия и как парадоксальное выражение нерасчлененного единства мира, окружающего героя (норма как дисгармония, абсурд как порядок и т. п.). На основе анализа языка повести делается вывод о том, какие явления бытия воплощают для автобиографического героя-повествователя гармонию (Пушкин, творчество, Бог). Методы описания языкового материала определяются антропоцентрической парадигмой современной лингвистики.

Ключевые слова: Довлатов, «Заповедник», языковая картина мира, хаос, гармония

Для цитирования: Геймбух Е. Ю. Гармония и хаос как конститутивные признаки языковой картины мира повести С. Довлатова «Заповедник» (к 80-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 5. С. 48–55. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-48-55.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Harmony and chaos as constitutive features of the linguistic picture of the world in S. Dovlatov's novella "Nature Reserve" ("Zapovednik") (to the 80th anniversary of the birth)

Elena Yu. Gejmbukh

Moscow City University, Moscow, Russia, gejmbuh@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2129-9876>

Abstract. The paper is devoted to the study of the linguistic picture of the world in S. Dovlatov's novella "Nature Reserve" ("Zapovednik"). The autobiographical hero's desire to find a way out of chaos to harmony is presented as a text- and plot-building feature. The linguistic representations of harmony and chaos are considered to be the two poles of existence and a paradoxical manifestation of the indivisible unity of the world surrounding the protagonist (the norm is viewed as disharmony, absurdity – as order and so on). The research is based on the analysis of the language of the novelle. The existential phenomena embodying harmony for the autobiographical hero (namely, Pushkin, creativity, God) are identified. The methods for describing the linguistic material are determined by the anthropocentric paradigm in modern linguistics.

Keywords: Dovlatov, "Nature Reserve" ("Zapovednik"), linguistic picture of the word, chaos, harmony

For citation: Gejmbukh E. Yu. Harmony and chaos as constitutive features of the linguistic picture of the world in S. Dovlatov's novella "Nature Reserve" ("Zapovednik") (to the 80th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole* = *Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 5. P. 48–55. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-48-55. (In Russ.).

Введение. В наше время С. Довлатов не мог бы пожаловаться на невнимания исследователей: выходят монографии, защищаются диссертации; его творчество изучается (или хотя бы упоминается) в вузе и школе. Повесть «Заповедник» также становится предметом анализа литературоведов и лингвистов. Исследователи обращаются к различным аспектам произведения: активно изучается комическое [Клименчук 2019], интертекстуальные связи [Богданова, Власова 2019], герой-повествователь [Когатова 2018], особенности языковой личности в целом¹, а также смысл заглавия произведения [Малашенко 2018]. Данная статья посвящена характеристике языковой картины мира повести.

Повесть «Заповедник» была начата в 1976–1977 гг. в Ленинграде, затем продолжена в 1978–1979 гг. в Вене, завершена и напечатана в 1983 г. в США. В основе этой повести, как и других произведений писателя, — автобиографическое повествование, рассказ о переломном моменте бытия: жизнь и работа в Пушкиногорье дана сквозь призму постепенного осознания автобиографическим героем необходимости эмиграции. И не случайно повесть посвящена *жене, которая была права*.

Анализ. Сюжет произведения не столько событийный, сколько ментальный. Заповедник — это и определенный локус, и этап жизни автобиографического героя: бегство от себя самого и осознание решения, которое подспудно уже созрело. В какой-то момент герою кажется, что бегство удалось:

Короче, жизнь несколько стабилизировалась... Мои несчастья были вне поля зрения;

Короче, жизнь обрела равновесие. Стала казаться более осмысленной и логичной. Ведь кошмар и безнадежность — еще не самое плохое. Самое ужасное — хаос...²

На наш взгляд, эти строчки имеют сюжетно- и текстообразующее значение: герой стремится вырваться из *хаоса* и обрести гармонию (*стабилизация, равновесие*;

осмысленность и логичность). А если вспомнить высказывание из «Записных книжек»: *Основа всех моих занятий — любовь к порядку. Страсть к порядку. Иными словами — ненависть к хаосу* [Довлатов 2005: 470], — то это стремление можно воспринять и как жизнеобразующее.

В языковой картине мира «Заповедника» хаос («беспорядок, путаница»³) и гармония («согласованность, стройность»⁴) в ценностном аспекте представляют собой два полюса. Однако в реальной жизни автобиографического героя, в душах окружающих его людей, в мире в целом порядок и беспорядок не всегда отделены друг от друга и часто кажутся неотличимыми. И хотя в тексте повести названные сферы бытия неразрывно слиты, для удобства описания мы будем последовательно рассматривать разные уровни: хаос и гармония в мире — в душах людей — в душе автобиографического героя.

Цель данной статьи — описать языковую картину мира повести «Заповедник», которая, при всей ее сложности и противоречивости, все же имеет устойчивый фундамент — представление о гармонии и стремление к ней.

Общим местом работ о творчестве С. Довлатова стало утверждение абсурдности изображаемого им мира. Абсурд — «нелепость, бессмыслица»⁵ — воспринимается нами как синоним хаоса, против которого борется писатель. М. Липовецкий, рассматривая рассказы из цикла «Наши» (написаны в США в начале 1980-х гг., опубликованы в 1983 г.), утверждает, что «Довлатов воспринимает абсурд как опасность», однако «сам исподволь любит абсурдность жизни, находя в ней чисто эстетическую радость непредсказуемого. Вот почему довлатовский герой никогда не может отказать себе в удовольствии преумножить абсурдность мира». Однако «Заповедник» был начат раньше, до эмиграции, и у писателя еще сохранялась иллюзия, что хаос, абсурд — здесь, а там — за границей, на *том свете* — все по-другому. Вероятно, поэтому абсурд в «Заповеднике»

¹ Хлупина М. А. Особенности языковой личности С. Д. Довлатова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2015. 25 с.

² Здесь и далее текст повести цит. по: Довлатов С. Заповедник // Довлатов С. Ремесло. СПб.: Азбука-классика, 2005. С. 157–251.

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984. С. 747 (СО).

⁴ Там же. С. 110.

⁵ Там же. С. 18.

не имеет «интегрирующей силы» (о которой по отношению к «Нашим» пишет М. Липовецкий), не воспринимается как общая «почва и судьба», «как основа порядка» (курсив М. Липовецкого. — Е. Г.) [Липовецкий 1999, Электронный ресурс].

При всей ненависти писателя к хаосу его герой — часть этого мира, и потому он не может не соприкасаться с абсурдной жизнью, и хаос иногда проникает в него самого. Как в чем проявляется хаос в мире и каким образом С. Довлатов акцентирует внимание на значимых для героя признаках окружающего мира?

Хаос и гармония в мире. Несмотря на небольшие размеры повести, мир в ней устроен достаточно сложно. Наиболее широкая сфера — бытие как таковое, уклад жизни, который сложился давно, но так же, как и современная автору действительность, подвергается осмыслению и оценке. И, как правило, внимание писателя привлекают те нормы бытия, которые вызывают у него внутренний протест.

Например, обыденное, привычное как непорядок представлено в рассуждениях о «Дневниках» Алексея Вульфа:

О Пушкине говорилось дружелюбно, иногда снисходительно. Вот она, пагубная для зрения близость. Всем ясно, что у гениев должны быть знакомые. Но кто поверит, что его знакомый — гений?

Эти мысли предвеляют разговор с женой, которая упрекает героя в отсутствии *минимальных предпосылок* для того, чтобы вести образ жизни знаменитого литератора. А поскольку данные эпизоды предельно сближены, нельзя не увидеть параллель между отношением Вульфа к его «знакомому» и отношением жены к герою (недооценка гения).

Обобщенное рассуждение о поведении женщины, завершающее первый диалог героя и его жены, также представлено как норма и выглядит как непорядок, отсутствие гармонии:

В разговоре с женщиной есть один болезненный момент. Ты приводишь факты, доводы, аргументы. Ты взываешь к *логике и здравому смыслу*. И неожиданно обнаруживаешь, что ей противен сам звук твоего голоса... (нарушение *логики и здравого смысла*).

Размышления о *страсти к неодоушленным предметам* приводят рассказчика к выводу: *...не люблю я восторженных созерцателей... любовь к березам... развивается как суррогат патриотизма. Суррогат* воспринимается как подмена, фальсификация, т. е. тоже как нарушение порядка, что приводит к подмене ценностей, размытости нравственной составляющей: *В поразительную эпоху мы живем. «Хороший человек» для нас звучит как оскорбление. И хотя последняя фраза акцентирует внимание на современной Довлатову действительности, «экскурсы» в прошлое и гномическое настоящее (вот она; есть, приводишь, взываешь; звучит)* подчеркивают, что многое в миропорядке, отвергаемом героем, складывалось веками. Основное различие между автобиографическим героем и всеми остальными «пушкиногорцами» в том и состоит, что герой хотя и не всегда следует нравственным законам, но осознает их существование и стремится если не достичь гармонии, то хотя бы установить порядок, а остальные персонажи как бы законсервированы в своем бытии, независимо от того, воспринимают они его как непорядок (Валера Марков, майор Беляев) или нет (все остальные).

Так как все обобщающие рассуждения — продукт сознательной деятельности, то в авторских характеристиках проявляется набор репрезентантов гармонии (*порядок, равновесие, осмысленность и логичность, логика и здравый смысл, норма* и др.) и хаоса (*абсурд, суррогат, макет, фикция, выдумка, ненормальность, безумие* и др.). В повести есть прямая авторская оценка, сопоставляющая и противопоставляющая гармонию и хаос: *Мир охвачен безумием. Безумие становится нормой. Норма вызывает ощущение чужда...* Однако абсурдность мира в том и заключается, что норма не всегда имеет отношение к гармонии, а представления о порядке иногда граничат с безумием.

Вторая (более узкая) сфера бытия (быт; обыденность, которая складывается на глазах у героя) представлена уже не как норма миропорядка, а как действия, противоречащие здравому смыслу, или дисгармоничное положение вещей, которое уродует человеческие отношения. Если положение дел в первом круге в силу высокой степени

обобщенности не может не касаться героя-повествователя, то происходящее во втором круге непосредственно основного носителя речи не затрагивает, он остается наблюдателем и выразителем оценки:

(о туристской базе) Какой-то идиот построил ее на расстоянии четырех километров от ближайшего водоема;

Кривоногий местный тракторист с локонами вокзальной шлюхи был окружен назойливыми румяными поклонницами;

Господи, думаю, здесь все ненормальные. Даже те, которые считают ненормальными всех остальных.

То, что связано с заповедником, лежит на границе двух сфер бытия, в одной из которых повествователь является лишь сторонним наблюдателем, а другая непосредственно входит в личную сферу автора. К личной сфере относятся Пушкин-творец и Пушкин — объект музейной деятельности. Герой-повествователь как нарушение порядка воспринимает желание администрации заповедника превратить Михайловское и Тригорское в *грандиозный парк культуры и отдыха*, в котором интерес к Пушкину становится разменной монетой:

Очевидно, любовь к Пушкину была здесь самой ходовой валютой;

Все обожают Пушкина. И свою любовь к Пушкину. И любовь к своей любви.

Уверенность, что *музей — не театр*, заставляет героя-повествователя бережно относиться к подлинности экспонатов и исторических реликвий, и потому в его сознании Псковский кремль со *вновь оштукатуренными стенами; с безобразной, прибалтийского вида, кованой эмблемой* воспринимается как *громадных размеров макет*, т. е. копия, причем копия, разрушающая исторический колорит (ср. с мнением администрации: *Да какая разница — Ганнибал, Закомельский...*).

В этом же русле выявления подтасовки исторических фактов — утверждение о том, что *аллея Керн — это выдумка Гейченко... фикция...* В разговоре экскурсоводов с женой автобиографического героя развенчивается и образ самой Керн: сначала Потоцкий использует эвфемизм, а затем «переводит» слова Митрофанова: *Она была куртизанкой... «просто шлюха»*. При этом повествователь отмечает и островки

гармонии в море насаждаемых фантазий: *Экспозиция была построена логично и красиво* (о Тригорском), *Храм был реален, приземист и грациозен* (о Святогорском монастыре).

Помимо беглых зарисовок вторая сфера бытия (быт, обыденность) представлена развернутыми портретами людей, с которыми герою-повествователю приходится сталкиваться в заповеднике: это и обычные деревенские жители (Михал Иванович, Валера Марков), и работники заповедника из местных (Галина, Марианна и др.), и приезжие экскурсоводы (Володя Митрофанов, Стасик Потоцкий).

Как абсурд представлена ограниченность видимым миром кругозора деревенских жителей; то, что происходит за пределами обжитого пространства и времени, для них практически не существует. Так, продавец в лавке говорит о Магеллане как о своем соотечественнике и современнике: *Может, умер... Или героя дали...*; представления Толика о Ленинграде сводятся к знакомству со словом: *А, знаю, слышал...*; слова о распятии Христа (*Так это когда было! Это еще до революции было!*) свидетельствуют о том, что истории до революции для Михал Иваныча практически не существует.

Однако нельзя сказать, что подобная ограниченность свойственна исключительно жителям деревни. Туристы из разных уголков страны стекаются в пушкинский заповедник, и их вопросы экскурсоводу свидетельствуют о примитивности культурного уровня: туристы из Риги задают вопросы о том, *сколько было у Пушкина крепостных? Какой доход приносило Михайловское? Во что обошелся ремонт господского дома?*; кавказцы спрашивают, *из-за чего была дуэль Пушкина с Лермонтовым?*; активист из Торжка интересуется, *за сколько куплен портрет Пушкиным; толстяк с блокнотом — как отчество младшего сына Пушкина*. Незнание — это один из полюсов абсурда; второй полюс — желание продемонстрировать свои знания, задавая вопрос, на который знаешь точный ответ, и уколоть человека, этими знаниями не обладающего (*...женщина в очках... не переставала иронически улыбаться. Так, словно мое равнодушие к Бенкендорфу говорило о полной духовной нищете*).

На этом фоне выделяется майор Беляев, который, начав увещевание героя расхожими

штампами (...оступился парень. Не туда завела его кривая дорожка), неожиданно переходит к литературной критике (...почитал я ваш хваленый самиздат. Дерьма не меньше, чем в журнале «Знамя». Только все перевернуто. Где белое, там черное, где черное, там белое...), а затем и к прямо диссидентским советам: *Я бы на твоём месте рванул отсюда, пока выпускают*. Ситуация с майором не уменьшает, а увеличивает дисгармонию мира, потому что о бегстве из страны говорит человек, который этой стране служит и который призван защищать ее ценности.

В качестве абсурда воспринимается автобиографическим героем не только культурная ограниченность, отсутствие образования/спекуляция знаниями, но и отсутствие нравственных норм, вернее, полная путаница в том, что такое хорошо и что такое плохо. Наиболее полно в этом отношении обрисован Михал Иваныч.

Портрет строится на со- и противопоставлении мнения Михал Иваныча о себе и той объективной картины, которую рисует герой-наблюдатель. Так, описание дома и жизни Михал Иваныча производит впечатление крайней степени нищеты, однако *пустые бутылки он не сдавал, выбрасывал. — Совесть мне... чего это я буду, как нищий...* При этом *в деревне Михал Иваныча не любили, завидовали ему. Мол, и я бы запил!.. Так ведь хозяйство...* Абсурд — в характере оценки: там, где должно быть сочувствие/осуждение, оказывается зависть.

Отношение повествователя к Михал Иванычу неоднозначно. Сначала автобиографический герой спорит с зажиточными соседями Михал Иваныча, не желая поддакивать им в его осуждении:

— Миша — человек безрассудный, я понимаю, но добрый и внутренне интеллигентный... Действительно, было в Михал Иваныче что-то аристократическое.

Здесь просматривается абсурд и в авторской оценке: аристократичность видится в нежелании сдавать пустые бутылки. Однако чуть позже повествователь рисует такие черты Михал Иваныча, которые заставляют сомневаться в данной ему характеристике: *...нелепый, добрый, бестолковый*. Да, он *до утра просидел на крыльце, боялся... разбудить* своего квартиранта, который нечаянно закрыл дверь изнутри,

но *повесил двух кошек...*; оскорбляет своего соседа, угрожает ему и в то же самое время просит денег; *жену чуть не зарезал*, по словам того же соседа; о детях, которые *в кедах бегают зимой*, не вспоминает.

Интересно, что в редких рассуждениях Михал Иваныча дважды повторяется фраза: *порядок есть порядок*. Таким образом С. Довлатов подчеркивает значимость того, что же считает порядком его персонаж:

Любил и уважал буфетчицу в шалмане, которая его неизменно обсчитывала: «Без этого нельзя, порядок есть порядок!»;

— Немцы... худого не делали. ...Правда, жидов и цыган они того... Увели с концами. Порядок есть порядок...

Возможность встать на чужую точку зрения оборачивается здесь полной нравственной слепотой, когда за нормы (*порядок*) принимаются не просто безнравственные, но и бесчеловечные поступки.

Интересно, что в «портретной галерее» «Заповедника» практически нет одиночных портретов: каждый из персонажей дан на фоне других, благодаря чему полнее и ярче обрисовывается как специфика каждого, так и всеобщий абсурд. Например, портрет Михал Иваныча дан на фоне другого сельского жителя — фотографа Валеры Маркова, человека, занятие которого позволяет ему безбедно существовать, но который от бессмысленности бытия спасается пьянством. Валера, как и многие, на кого направлено внимание автора, мечтает об эмиграции (*У меня была идея — рвануть отсюда куда попало*), и он единственный, кто оценил героя-повествователя: *Шапки долой, господа! Перед вами — гений!*

Портреты приезжих экскурсоводов также даны в паре. Абсурдность жизни Володи Митрофанова, блестяще образованного человека с *редким клиническим заболеванием...* — *полной атрофией воли*, воспринимается как насмешка рока. Судьба человека, *прочитавшего десять тысяч книг*, дается в параллели с судьбой Стасика Потоцкого, прочитавшего *двенадцать современных книг* и убедившегося, *что может писать не хуже*. Характеристики, которые рассказчик дает произведениям Потоцкого (*заурядны, тривиальны, идейно полноценны, убоги, вторичны*), противоположны авторскому восприятию экскурсий Митрофанова (*внезапные параллели, ослепительные гипотезы*)

и в целом пополняют сферы шаблонного мышления (так не должно быть у писателя) и творческого осмысления действительности (единственно возможного не только для писателя, но и для человека вообще, на взгляд С. Довлатова).

В описании произведений Потоцкого раскрывается еще одно парадоксальное явление: в сфере писательства норма («узаконенное установление, признанный обязательным порядок»⁶) приводит к разрушению творческой составляющей. Решить раз и навсегда проблему «как писать», по мнению Потоцкого, для творческого человека невозможно в принципе. Не случайно в повести повторяются слова, ставшие камнем преткновения для автобиографического героя, отметившего свое тридцатилетие: *К тридцати годам необходимо разрешить все проблемы за исключением творческих*. Значимость этих слов подчеркивается их повторением, они становятся объектом рефлексии автобиографического героя, а ответы на вопросы он ищет как в окружающей его жизни, так и в жизни и творчестве Пушкина.

Третий круг бытия — это личный круг героя-повествователя: семья (быт), духовная сфера (сначала противопоставленная быту, а затем объединенная с ним в Бытие) и как часть личной духовной сферы — Пушкин.

В этом круге семья как быт вплоть до последних страниц повести отделена от духовного бытия, и только в конце происходит восстановление гармонии: *Вдруг я увидел мир как единое целое*. Сначала жизнь предстает как необходимость выбора: жить или писать, быт или творчество. Однако к решению нетворческих проблем вызывает не только быт, но и бытие: оставаться жить в России или уезжать. «Кошмар» здесь опять противопоставлен хаосу: на родине он чувствует себя своим, *на том свете* боится стать чужим. Таким образом в повествование вплетается еще одно измерение хаоса: невключенность в мир (обратим внимание на то, как герой описывает состояние после выпивки: *Я на время стал частью мировой гармонии... Видно, гармония таилась на дне бутылки*. И

хотя в этих словах явно чувствуется горькая ирония, есть в них и доля истины: забвение проблем создает иллюзию гармонии).

При внешнем противопоставлении творчества (духовное) и семьи (быт) в повести подспудно нарастает ощущение их неразторжимого единства, общего источника:

Как ни странно, я ощущал что-то вроде любви. Казалось бы — откуда?! Из какого сора? <...> До чего же Он по-хорошему неразборчив, этот царь вселенной!..

В этих размышлениях нельзя не видеть отсылки к А. Ахматовой (*Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда...*). Ощущение того, что и любовь, и творчество дарованы Богом, приводит героя к осмыслению своей судьбы (*Это была уже не любовь, а судьба...; Тут уже не любовь, а судьба*). Другими словами, герой находит истинный источник гармонии: *Тогда я, может, поверю, что Бог — есть*.

В третьем круге бытия, в духовной сфере автора, сталкиваются два пушкинских мифа: «Демифологизируя идеологический вариант пушкинского мифа, Довлатов создает свою мифологию, в которой Пушкин предстает не человекобожеством, а смертным человеком и одновременно великой творческой личностью. Так в повести соединяются мифоборческие и мифотворческие начала»⁷. Идеологический вариант мифа представлен многочисленными штампами, бесконечное повторение которых замещает понимание Пушкина и исключает свободное размышление над его творчеством:

Миру крепостнических отношений противопоставил Александр Сергеевич этот вдохновенный гимн бескорыстия...

Пушкин — наша гордость! Это не только великий поэт, но и великий гражданин...

История культуры не знает события, равного по трагизму... Самодержавие рукой великосветского шкоды...

Развенчание мифа происходит за счет комментариев повествователя либо сюжетных сближений, которые разрушают патетику:

⁷ Доброзракова Г. А. Поэтика С. Д. Довлатова в контексте традиций русской литературы XIX–XX веков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. М.: РУДН, 2012. С. 22.

⁶ СО. С. 359.

— В жизни Пушкина еще так много неисследованного... Кое-что изменилось с прошлого года... — В жизни Пушкина? — удивился я;

— Тут все живет и дышит Пушкиным... Так и ждешь, что он выйдет сейчас из-за поворота... Между тем из-за поворота вышел Леня Гурьянов, бывший университетский стукач;

— Исполнилось пророчество: «Не зарастет священная тропа!..» Не зарастет, думаю... Ее давно уже вытоптали эскадроны туристов.

Еще один способ развенчать декларируемую любовь к Пушкину — сопоставление того, что советуют начинающему экскурсоводу (*Нужно как следует подготовиться. Проштудировать методичку*), и того, как он отвечает на вопрос, за что любит Пушкина. В ответе раздвигаются пространство и время, Пушкин включается в европейскую литературу, сопоставляется с Гёте, Байроном, Шекспиром; слышится личностное отношение говорящего к Пушкину, вне прокрустова ложа идеологического мифа: *...лирика Пушкина. И если она горька, то не в духе Байрона, а в духе, мне кажется, шекспировских сонетов....* Жене во время экскурсии он рассказывал... о маленьком гениальном человеке, в котором так легко уживались Бог и дьявол. Который высоко парил, но стал жертвой обыкновенного земного чувства.

И это свое отношение постепенно складывается в довлатовский миф о Пушкине: *Больше всего меня заинтересовало олимпийское равнодушие Пушкина... Он был только поэтом, гением... Его литература выше нравственности. Она побеждает нравственность и даже заменяет ее.* Гармоничность Пушкина, по мнению С. Довлатова, в том и состоит, что ему не нужно выбирать между творчеством и жизнью, гений Пушкина возносит его над жизнью. И хотя достичь такого олимпийского равнодушия герой не может, он находит свой путь к гармонии: осознает жизнь в целом как божественный дар, что помогает ему обрести равновесие.

Выводы. Таким образом, «Заповедник» характеризуется многообразием форм хаоса (в том числе и в парадоксальном сближении с нормой: *Есть в ощущении нормы какой-то подвох. И все-таки еще страшнее — хаос...*). Везде, куда ни обратит взгляд автобиографический герой, он видит дисгармонию окружающего мира (или наоборот: из всего разнообразия мира он выбирает

в основном то, что демонстрирует бессмысленность жизни); причина этого — скрываемое от самого себя желание утвердиться в необходимости эмиграции, перевести подспудно ощущаемое в осознанный императив к действию. Поэтому в языковой картине мира слов-репрезентантов дисгармонии/хаоса больше, чем слов, называющих гармоничное состояние мира. При этом некоторые виды «гармонии» в силу своей иллюзорности относятся скорее к хаосу: это поиски успокоения на дне бутылки или в бегстве от проблем. Истинную гармонию представляют в повести Пушкин (в единстве жизни и творчества), творчество самого героя-повествователя (но не с самого начала, когда он и творчество воспринимает как *сублимацию*, а ближе к концу, когда осознает единый источник творческого дара и любви и когда весь мир воспринимает как *единое целое*) и Бог.

Если представить языковую картину мира «Заповедника» как полевою структуру, то гармония и хаос окажутся на двух противоположных концах диаметра, а в центре — то состояние мира, которое переживает автобиографический герой и в котором *безумие становится нормой*. На фоне общей статичной картины выделяется фигура автобиографического героя, который вырывается из нерасчлененного единства абсурдных норм и движется в сторону гармонии, стремясь обрести душевный покой и чувство причастности к бытию.

Полюса осознаются героем-повествователем как неизменные ориентиры бытия, между которыми проходит жизнь человека. Гармония и хаос имеют множество языковых репрезентантов, которые на шкале переходности располагаются более или менее близко к полюсам. Максимально близко к гармонии стоят три имени: *Пушкин, творчество, Бог*; остальные обозначения (*стабилизация, равновесие, осмысленность, логичность/логика, порядок, здравый смысл, норма, красота, мир как единое целое, человек как часть мировой гармонии, любовь, спокойствие* и др.) расположены между полюсом и амбивалентным центром, куда затягиваются *порядок, здравый смысл, норма*. На противоположном полюсе довлатовской картины мира — хаос, который имеет в повести множество воплощений (*кошмар, безнадежность, абсурд, суррогат,*

макет, фикция, выдумка, ненормальность, безумие, сублимация и др.) и является основным предметом изображения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова О. В., Власова Е. А. Интертекст в повести Сергея Довлатова «Заповедник» (Пушкин и русская классика) // Питання літературознавства. 2018. № 98. С. 208–228.
2. Богданова О. В., Власова Е. А. Лермонтовский и постлермонтовский интертекст в повести Сергея Довлатова «Заповедник» // Российский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 2. С. 129–140. DOI: 10.15643/libartrus-2019.2.4.
3. Довлатов С. Записные книжки. Соло на IBM // Довлатов С. Ремесло. СПб.: Азбука-классика, 2005. 603 с.
4. Клименчук М. К. Языковые приемы комического и их функции в повести С. Д. Довлатова «Заповедник» // Новейшая филология: итоги и перспективы исследований: сб. статей Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Б. И. Осипова и М. П. Одинцовой / отв. ред. О. В. Золтнер. Омск: Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского, 2019. С. 255–257.
5. Когатова Е. О. Проблема героя и антигероя в повести С. Довлатова «Заповедник» // Вестник Курганского государственного университета. 2018. № 2(49). С. 27–30.
6. Липовецкий М. И разбитое зеркало // Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба / сост. А. Ю. Арьев. СПб.: Звезда, 1999 [Электронный ресурс]. URL: <http://sergeidovlatov.com/books/lipovetsky.html> (дата обращения: 15.05.2021).
7. Малащенко В. В. Художественная деталь и семантика заглавия повести С. Довлатова «Заповедник» // Филологический аспект. 2018. № 12(44). С. 201–210.

REFERENCES

1. Bogdanova O. V., Vlasova E. A. Pushkin and post-Pushkin intertext in the story of Sergei Dovlatov

"The reserve" (Pushkin and Russian classics). *Pitan-nâ literaturoznavstva = Literary issues*. 2018. No. 98. P. 208–228. (In Russ.).

2. Bogdanova O. V., Vlasova E. A. Lermontov and post-Lermontov intertext in the story of Sergei Dovlatov "The reserve". *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal = Russian Humanitarian Magazine*. 2019. Vol. 8, No. 2. P. 129–140. <https://doi.org/10.15643/libartrus-2019.2.4>. (In Russ.).

3. Dovlatov S. Notebooks. Solo on IBM. *Dovlatov S. Remeslo = Craft*. Saint-Petersburg: Alphabet-classics, 2005, 603 p. (In Russ.).

4. Klimenchuk M. K. Linguistic means of representing comic and their functions in short novel "Pushkin hills" by S. D. Dovlatov / O. V. Zoltnner (ed.). *Noveishaya filologiya: itogi i perspektivy issledovaniy: sb. statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati B. I. Osipova i M. P. Odintsovoi = Modern philology: Results and prospects of research: Collection of articles of the international scientific and practical conference dedicated to the memory of B. I. Osipov and M. P. Odintsova*, Omsk, 15–16 February 2019. Omsk: Dostoevsky Omsk state university, 2019. P. 255–257. (In Russ.).

5. Kogatova E. O. The problem of hero and antihero in the story of S. Dovlatov "Zapovednik". *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Kurgan state university*. 2018. No. 2(49). P. 27–30. (In Russ.).

6. Lipovetsky M. And a broken mirror / A. Yu. Aryev (comp.). *Sergei Dovlatov: tvorchestvo, lichnost', sud'ba = Sergei Dovlatov: creativity, personality, fate*. Saint-Petersburg: Star, 1999 [Electronic resource]. URL: <http://sergeidovlatov.com/books/lipovetsky.html> (accessed: 15.05.2021). (In Russ.).

7. Malashchenko V. V. Artistic detail and semantics of the title of the story "Reserve" by S. Dovlatov. *Filologicheskii aspekt = Philological aspect*. 2018. No. 12(44). P. 201–210. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена Юрьевна Геймбух, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка и методики преподавания филологических дисциплин, Институт гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет

Elena Yu. Gejmbukh, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Department of Russian Language and Methods of Teaching Philological Disciplines, Institute of Humanities Sciences, Moscow City University

Статья поступила в редакцию 14.05.2021; одобрена после рецензирования 28.05.2021; принята к публикации 05.07.2021.

The article was submitted 14.05.2021; approved after reviewing 28.05.2021; accepted for publication 05.07.2021.